

GABRIEL.2

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

ТЕРРИТОРИЯ СЛОВА

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.134.2(861)

ББК 84(7Кол)-44

Г20

Серия «NEO-Классика»

Gabriel García Márquez

NOTAS DE PRENSA. OBRA PERIODÍSTICA 5. 1961—1984

Перевод с испанского *А. Богдановского*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Орловой*

Печатается с разрешения
наследников автора и литературного агентства

Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Гарсиа Маркес, Габриэль.

Г20 Территория слова / Габриэль Гарсиа Маркес ; [пер. с исп. А. Богдановского]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 608 с. — (NEO-Классика).

ISBN 978-5-17-096952-4

Габриэль Гарсиа Маркес — о своих братьях по перу: Хемингуэе, Борхесе, Неруде, о собственных книгах и их критике, о Нобелевской премии, о прошлом и будущем.

О реках своего детства и аромате тропических фруктов.

О встрече с папой римским и романе Уайлдера «Мартовские иды», о собаках и любимом коктейле Че Гевары — «Куба Либре».

И вообще обо всем на свете: от классической музыки, живописи и кино — до космических полетов и путешествий, и даже о латиноамериканских «жрицах любви» в Европе.

Эта книга называется «Территория слова», хотя ей удивительно подходит название небольшого рассказа великого американского фантаста «О скитаньях вечных и о Земле». И все-таки для настоящего писателя и мыслителя все земное и неземное — территория слова...

УДК 821.134.2(861)

ББК 84(7Кол)-44

© Gabriel García Márquez and Heirs of Gabriel García Márquez, 1991, 1999

© Перевод А. Богдановский, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-096952-4

СВОЕЙ СМЕРТЬЮ

Кажется, на сей раз не соврали: Эрнест Хемингуэй умер. В разных частях света, в далеких друг от друга странах эта новость потрясла официантов, которые обслуживали его в кафе, его проводников-ружьеносцев, его начинающих тореро, его таксистов, а также — энное количество впавших в ничтожество боксеров и какого-нибудь отставного наемника-головореза.

А меж тем в городке Кетчум, штат Айдахо, смерть добropорядочного обывателя стала всего лишь прискорбным местным происшествием. Тело шесть дней пролежит без погребения — и не потому, что покойному будут воздавать воинские почести, а просто ждут того, кто охотился на львов в Африке. Тело не бросят на растерзание хищным птицам вместе с трупом замерзшего леопарда на вершине горы, а мирно предадут земле на одном из стерильных кладбищ США, по соседству с усопшими, которые были милы его сердцу. И в свете этих обстоятельств, столь похожих на реальность, приходится на этот раз поверить, что Хемингуэй с третьей попытки умер наконец взаправду.

Он не мог умереть пять лет назад, когда его самолет потерпел крушение над Африкой. И в самом деле, на прогалине сельвы, неподалеку от того места, где бесчинствовало семейство слонов, спасатели обнаружили Хемингуэя — живого, веселого и полупьяного. И самим творчеством своим, своими героями, которые не имеют права

умереть, пока не упьются вдосталь горечью победы, он загодя дискредитировал подобный род смерти, больше подбаивающей кинематографу, нежели реальной жизни.

Зато теперь 62-летнего писателя, который прошлой весной дважды попадал в больницу из-за некой старческой хвори, обнаружили мертвым в собственном доме — он разнес себе череп выстрелом из крупнокалиберного ружья, с каким ходят на тигров. Аргумент «за», то есть в пользу самоубийства, — технического плана: покойный был опытен в обращении с оружием, что делает несчастный случай маловероятным. Аргумент «против» тут один-единственный и свойства литературного: Хемингуэй вроде бы не принадлежал к тому разряду людей, которые сами сводят счеты с жизнью. В его романах и рассказах самоубийство неизменно подается как малодушие, а герои героичны именно в силу своей отваги и физической храбрости. Как бы то ни было, впрочем, загадочны лишь обстоятельства гибели Хемингуэя, а не она сама, потому что на этот раз все произошло так, как и должно было произойти: писатель принял смерть типичнейшего из своих персонажей и принципиально важную для них.

Насколько искренне скорбели в те дни боксеры, настолько межеумочны были суждения литературных критиков. Во главу угла встал вопрос о том, насколько правомерно называть Хемингуэя великим писателем и в какой степени заслужены им лавры, которые ему самому казались всего лишь курьезом или, в лучшем случае, — эпизодическим, побочным обстоятельством в жизни мужчины.

По сути дела, Хемингуэй был всего лишь почти сверхъестественно алчным свидетелем индивидуального действия. В любой точке земного шара, в любой ситуации и на любом социальном уровне его герой отчаянно и ожесточенно борется не столько за то, чтобы выжить, сколько за победу. И вслед за тем победа эта немедленно становится высшей степенью физической усталости и душевной смуты.

Тем не менее, в его мире победа суждена тому, кто не сильнее, а мудрее других, причем эта мудрость приобре-

тается опытом. В этом смысле он идеалист. Очень редко на страницах его обширного наследия возникает ситуация, когда грубая сила может возобладать над разумом. Если маленькая рыбка умнее большой, она способна ее съесть. Охотник берет верх над львом не потому, что вооружен, а потому, что до тонкостей превзошел свое ремесло, но лев, по крайней мере, дважды доказывал, что свое дело знает не хуже. В рассказе «Старик и море», где как в капле воды отразились все достоинства и недостатки автора, рыбаку-одиночке, измученному несчастьями и невезением, удается одолеть самую большую в мире рыбу — причем одолеть в схватке, где меряются не силой, а хитроумием.

Со временем выяснится, что вот и Хемингуэй, писатель сравнительно небольшого калибра, победил многих крупных писателей, и произошло это благодаря тому, что ему были открыты мотивы человеческих поступков и тайны его ремесла. Однажды в каком-то интервью он дал замечательное определение своего творчества, сравнив его с айсбергом: ведь исполинская ледяная гора, плавающая на поверхности, — это лишь восьмая часть его общего объема, а прочие семь скрыты под водой, поддерживают его оттуда и делают неприступным.

Хемингуэй значителен прежде всего этим тайным знанием, которое поддерживает на плаву объективно существующее произведение с простой и ясной структурой, пронизанной строгим, скупым драматизмом. Хемингуэй рассказывает лишь о том, что видел собственными глазами, что пережил и прочувствовал сам, на собственном опыте, а это, в конце концов, было то единственное, чему он мог верить. И жизнь его была постоянным и рискованным постижением ремесла, в котором он стремился быть запредельно честным: хотелось бы знать, сколько раз писатель рисковал жизнью ради того, чтобы обычный поступок его персонажа выглядел правдоподобно и естественно.

И в этом отношении Хемингуэй был именно тем, кем хотел быть — никак не больше, но и совсем не меньше, — а хотел он оставаться живым в каждом своем деянии. Судь-

ба его в известном смысле была судьбой его героев, которые мгновенно обрели всеобщую любовь, а потом, благодаря верности тех, кто полюбил их, — и бессмертие.

Это, вероятно, и дает самое точное понятие о масштабе Хемингуэя. И, может быть, его смерть знаменует не конец чего-то, а начало ничего в истории мировой литературы. Но вместе с тем это и естественное завещание, оставленное великолепным образцом человеческой особи, усерднейшего и до странности честного труженика, который, мне кажется, заслуживает чего-то большего, нежели место в международном пантеоне.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ НЕВЗГОДЫ

Писать книги — занятие самоубийственное. Ничто другое на свете не забирает столько времени, не требует таких усилий и такой беззаветной самоотдачи, особенно в сопоставлении с сиюминутными выгодами. Не думаю, что много найдется читателей, которые, закрывая книгу, спросят себя, скольких мучительных часов, скольких домашних бедствий стоили автору эти двести страниц и сколько он получил за свой труд. Чтобы покончить с этой темой, сообщим — к сведению несведущих в этом деле, — что автору достается лишь десять процентов того, что покупатель платит за книгу. То есть если читатель покупает книгу за двадцать песо, его вклад в укрепление благосостояния писателя составляет два песо. Остальное забирают издатели, рискнувшие напечатать его сочинение, распространители и книготорговцы. Это кажется совсем уж вопиющей несправедливостью, если вспомнить, что лучшие писатели — это те, что пишут мало, а курят много, и потому вполне естественно, что на книгу в двести страниц они тратят два года жизни и двадцать девять тысяч двести сигарет. Знакомые с четырьмя правилами арифметики без труда подсчитают, что с их дымом уходит сумма бóльшая, чем они получают при расчете. И неоспоримая правота звучит в словах одного моего приятеля, заметившего, что все

издатели, дистрибьюторы и книготорговцы богаты, а мы, писатели, — бедняки.

Еще хуже обстоит дело в развивающихся, а вернее сказать — в недоразвитых странах, где книготорговля вообще пребывает в зачаточном состоянии, однако не только в них. Даже в Соединенных Штатах — истинном раю для успешных писателей — на каждого автора, который однажды утром проснулся богачом, потому что вытянул счастливый билетик в лотерее *покетбуков*, приходится сотни приличных литераторов, что обречены вечно сидеть на цепи и получать на бритую макушку ледяную капель пресловутых десяти процентов. Последний по времени показательный случай внезапного и законного обогащения — романист Трумен Капоте, который за свою книгу «Хладнокровное убийство» только за первые недели продаж получил полмиллиона долларов в виде роялти и примерно столько же — за продажу прав на экранизацию. Зато Альбер Камю, чьи книги будут продаваться, когда уже никто и не вспомнит блистательного Трумена Капоте, зарабатывает себе тем, что сочиняет (под псевдонимом) киносценарии ради возможности по-прежнему писать для души. Нобелевская премия, которой он был удостоен за несколько лет до смерти, стала всего лишь кратким затишьем в его домашних бурях и неурядицах, хотя и принесла с собой тысяч сорок долларов и позволила купить дом с садом для детей. Жан-Поль Сартр, от премии отказавшийся, совершил, пусть и неосознанно, более удачную сделку — своим поступком он по справедливости стяжал себе лавры независимости, значительно увеличившей спрос на его книги. Многие писатели стремятся завести себе меценатов — богатых и щедрых покровителей, которые содержат их, позволяя творить ради собственного удовольствия. Меценаты — или как их теперь называют «спонсоры» — не перевелись и в наше время, хотя и сменили обличье. Крупные финансовые корпорации ради того, чтобы получить налоговые льготы или чтобы отрешиться в глазах общества от репутации «акулы капитализма», а зачастую — и для того, чтобы

успокоить свою совесть, выделяют весьма значительные средства на поддержку творческих людей. Творческим натурам, однако, нравится делать то, что нравится, и мы — быть может, без достаточных на то оснований — подозреваем, что спонсор, пусть и невольно воздействуя на независимость суждений и способ их выражения, подвигнет творцов на нежелательный компромисс. Вот я, к примеру, предпочитаю писать безо всяких финансовых вливаний, и не только потому, что страдаю сильнейшей манией преследования, а потому, что, начиная работу, совершенно не представляю себе, на чьей стороне окажусь по ее окончании. И согласитесь, несправедливо, непорядочно будет с моей стороны вдруг пойти вразрез с идеологией спонсора (а ведь это очень даже возможно, если учесть, сколь силен в писателях дух противоречия), точно так же, как будет в высшей степени аморально по случайности согласиться с нею.

Такого рода покровительство, типичное для капиталистического патернализма, выглядит как ответ на стремление социалистов рассматривать писателя в качестве служащего, которому платит государство. В принципе этот социалистический вариант правилен, поскольку освобождает литератора от ярма посредников. Однако на практике выходит так, что до сих пор — и неизвестно, до каких пор это будет, — система порождает риски более опасные, чем несправедливость, против которой она направлена. Недавняя история с двумя весьма посредственными советскими писателями, отправленными в Сибирь на каторгу не за то, что плохо писали, а за то, что вступили в конфликт со своим патроном-спонсором, показывает, как опасно заниматься литературой в стране, режим которой в силу своей еще недостаточной зрелости не может признать вечную истину: мы, писатели, — хуже уголовников, потому что догмы, доктринерство и даже просто юридические нормы жмут нам, как тесные башмаки. И у писателя только одно обязательство перед революцией — хорошо писать. И при любом строе и режиме его неконформизм есть главное и неперемнное условие творчества, ибо писа-

тель-конформист — это, весьма вероятно, бандит и уж совершенно точно — скверный писатель.

В свете этих невеселых размышлений сам собой напрашивается вопрос — а для чего пишут писатели? Ответ прозвучит столь же мелодраматично, сколь искренне. Ты родился писателем, как кто-то рождается евреем, а кто-то — чернокожим. Успех пьянит, любовь читателей окрыляет, но это все — дополнительно и второстепенно, потому что хороший писатель будет писать, даже если башмаки у него рваные, а книги не продаются. Это ведь некое психическое отклонение, социальное уродство, ибо как иначе объяснить, почему многие мужчины и женщины предпочитают подыхать с голоду, но не бросать занятие, от которого, если говорить совсем уж всерьез, проку — ни малейшего.

ЕЩЕ ДВЕ ПРИЧИНЫ НЕ ЛЮБИТЬ ЭТОТ ЖУРНАЛ

Итак, журнал «Альтернатива» выходит вновь. Появился после четырехмесячного отсутствия, которое мы, само собой, использовали, чтобы меньше работать, меньше тратить и, быть может, меньше обманываться, хотя в то же время — чтобы поразмышлять, как священники былых времен, о душе и о том, что ждет ее. Однако же вот — мы снова выходим в режиме еженедельника и стоим на этот раз будем двадцать песо. А это значит, что духовные практики помогли нам справиться с нашими трудностями и решить все наши проблемы за исключением двух — тех, которые, на мой взгляд, стали просто проклятием для нашего издания. Это периодичность и цена.

Мы, как и прежде, признаем правоту тех, кто думает, что «Альтернативе» лучше быть ежедневным изданием. Но и те, кто придерживается противоположного мнения, тоже, на наш взгляд, правы. И первые, и вторые остаются в выигрыше, ибо есть аргумент не просто весомый, а перевешивающий все прочие — ни у первых, ни у вторых, ни у всех нас, вместе взятых, денег на ежедневную газету нет.

А на нет, как говорится, и суда нет. И вот с этого-то и следовало бы начинать.

Журнальное дело у нас в Колумбии всегда пребывало в забросе и небрежении. Всем журналам в нашей стране всегда уготована была участь курортных романов и министров просвещения, то есть — век яркий, но краткий. И тот единственный журнал, которому удавалось больше шестидесяти лет держаться на плаву через превратности парикмахерских и смертельные удары в виде смены владельцев, кажется мне неким знаком свыше, посланным для взраумления и остережения наивных и горячих. Что ж, может быть, мы, колумбийцы, просто не умеем издавать журналы. Может быть, мы не умеем их читать. А, может быть, все дело в том, что восемь дней — это несусветно долгий срок и чересчур тяжкое испытание для исторически скверной памяти колумбийцев: когда приходит суббота, читатели уже забыли, о чем писал неделю назад их любимый журнал, так что ему приходится каждую неделю завлекать новую клиентулу, которая даже не помнит, что была таковой неделю назад. Печально, но факт: мы каждую субботу покупаем новый журнал, предаваясь тем же неповторимым и эфемерным иллюзиям, что и на повторяющихся каждые четыре года выборах президента республики. При таком положении вещей очень трудно взрастить еженедельник и удержать интерес публики не только многочисленной и компетентной, но и чувствительной к иной политической повестке, поскольку нет никакой возможности постоянно, да еще в таких условиях, соперничать с теми средствами массовой информации, для которых все средства хороши и у которых в руках вся мощь власти. Ежесубботные схватки — нам ли, людям пьющим, того не знать? — не более чем мордобой в пивной.

Вторая важнейшая проблема — это цена. Без рекламы, которую мы не любим и, мало того, которую нам никто не дает, без поддержки той или иной политической партии, без содействия мирового центра силы или центрального разведывательного управления, которое платит с тем, чтобы потом объявить об этом, наш круглый сирота-журналь-

чик не может продаваться дешевле, чем сейчас, а горькая правда заключается в том, что читатели, способные выложить за номер двадцать песо, — это не те читатели, которые нас интересуют. Вот и получается, что мы желаем владеть умами одних, а в итоге приходим к другим. Мы издаем журнал для бедных, который оказывается бедным не по карману. Мы пытаемся создать самосознание народа, однако нашу аудиторию социальная справедливость волнует не так сильно, как отпуск в Майами.

И все же, благодаря профессиональной и политической отваге, которая отличает нас от простых и, разумеется, более счастливых смертных, «Альтернатива» снова с нами. А я — с нею, как неизменно ведется с того случайного и уже отдаленного сентября, когда она появилась, ибо верю, что вопреки двум ее главным проблемам без «Альтернативы» никак не обойтись в тех условиях, где пребывает в настоящее время и страна вообще, и левая пресса в частности. Единственное новшество — в том, что я буду отныне заполнять не весь журнал, а каждые две недели появляться в четырех стенах моей авторской колонки, чтобы сказать то, что мне лично и от себя лично захочется сказать. Сегодня, к сожалению, у меня на это было мало времени.

ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕДСТАВИТЬСЯ — ПОЛЕЗНЫЙ ИДИОТ

Мои политические единомышленники и личные друзья из-за границы недоумевают — как это «Альтернатива» говорит то, что говорит, а правительство это терпит? Они просят растолковать им противоречие: если журнал твердит, что в Колумбии нет свободы печати, то одно лишь подобное утверждение свидетельствует об обратном. Они спрашивают, что же это за страна такая, где еще может происходить такое, меж тем как остальной континент — это заповедник горилл.

Это кажется невероятным, но ответ на эти вопросы дал сам президент Лопес Микельсен, когда примерно год

с лишним назад на заседании правительства министр обороны генерал Абрахам Варон Валенсия попросил его закрыть журнал за выпады против вооруженных сил страны. Ответ президента был молниеносным и отрицательным:

— Я не окажу им такую политическую услугу.

Донья Мария Элена де Крово, в ту пору — министр труда, опасаясь, что президентская пилюля окажется слишком горькой для генерала, поспешила подсластить ее и сообщить, что беспокоиться его превосходительству не о чем — по ее сведениям, «Альтернатива» дышит на ладан из-за отсутствия средств. Ее расчет был прост: в стране, где крупные СМИ существуют на рекламу столь же крупного капитала и на подачи властей, издание не может выжить исключительно благодаря поддержке своих читателей. Но сеньоре министерше и в голову не могло прийти, что в мире есть люди, которые смотрят на жизнь иначе и способны не только последние деньги, но и собственную шкуру отдать за правое дело, причем с такой же отвагой, с какой она в своем министерстве творит дела черные. И вот прошло полтора года, и «Альтернатива» с грехом пополам продолжает существовать, меж тем как доньи Марии Элены де Крово больше не существует на этом свете никак — ни с грехом, ни без греха.

Через несколько недель после приснопамятного заседания кабинета министров одна бомба взорвалась в редакции «Альтернативы», а вторая чуть погодя — у дома ее тогдашнего главного редактора. Было очевидно, что какой-то торопыга, начисто лишенный исторического взгляда на вещи, старается оказать нам ту самую услугу, от которой отказался президент. И в самом деле оказал ведь, потому что два взрыва всколыхнули читателей, увеличили тираж нашего журнала и породили волну солидарности за границей. Телеграмма от Франсуа Миттерана, будущего президента Франции, у Лопеса Микельсена, президента нашего, вызвала очередной приступ его легендарного бешенства. Во-первых, потому, что он при всем желании не мог назвать Миттерана коммунистом, ибо тот был классическим социалистом, каким мог бы стать и сам Микельсен,

если бы дела не воспрепятствовали. А, во-вторых, именно этого международного резонанса он тшился избежать, когда не соглашался разогнать нашу шарату.

Иное дело, что резонанс этот не имел для него такого уж значения — в противном случае ему пришлось бы бороться с ним, если бы «Альтернатива» представляла непосредственную реальную опасность для его правительства, а в перспективе — для всей системы. Однако и он, и мы знали, что до этого еще дело не дошло. Он, как и мы, знал, что в разобленном и раздробленном на мелкие островки архипелаге колумбийских левых не существует единодушного мнения ни о чем на свете, и уж особенно — по отношению к нашему журналу. В университетах иногда неделю за неделей его читают вслух, перемежая чтение рукописаниями и восторженными криками, а иногда те же самые люди, которые читали, теперь, науськанные фашистами, публично сжигают его. Зато «Эль Тьемпо», по инерции пользующаяся таким влиянием, что никто уже не вздумает жечь ее, не может позволить себе роскошь содержать редакторов, думающих своей головой, поскольку правительство не разрешает такого даже руководству газеты, которое столько раз тщеславно венчало само себя лаврами чемпиона мира по вольнодумству и инакомыслию. Вот и «Эль Тьемпо» президент не окажет политическую услугу и не закроет ее. Однако неустанно пугает ее кое-чем похуже: грозит, что закроет лавочку сам — уйдет в отставку, если ему не дадут править, как он хочет.

Итого: президент был прав, что не захотел сделать нам такое одолжение. Однако, чтобы стать верхом совершенства, ему следовало признать, что, нам в этой услуге отказывая, себе он оказывает несравненно бóльшую, ибо для него стократ важней выглядеть в глазах иностранцев либералом, во что уже не верят его соотечественники. Это печально, но такова уж наша колумбийская действительность. Доходит до того, что многие наши закордонные друзья порой спрашивают — а не является ли этот оппозиционный журнальчик полезным идиотом президента Лопеса Микельсена?